

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.75>

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА: ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Научная статья

Дементьева А.А.^{1,*}

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (antoninadementyeva[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена систематизации терминологических понятий и обозначений, связываемых в отечественном литературоведении с проблемой анализа автобиографических текстов. Проблема соотношения понятий «писатель», «автор», «рассказчик» и «герой» актуализируется в литературе нового времени в связи с меняющимся представлением об индивидуальном и общем, авторском и коллективном. Использование описательного, сравнительно-сопоставительного и культурологического методов при подходе к анализу источников позволяют составить целостную картину видения этой проблемы в современном отечественном и зарубежном литературоведении. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются понятия «автобиографический договор», «автобиографическое пространство» (Ф. Лёжен), представление о творце текста / автобиографическом герое как о Другом (М.М. Бахтин, П. Рикёр).

Ключевые слова: автор, автобиографический герой, автобиографический текст, А.М. Ремизов.

AUTOBIOGRAPHICAL PROSE: BASIC TERMS AND CONCEPTS

Research article

Dementeva A.A.^{1,*}

¹ Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (antoninadementyeva[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the systematization of terminological notions and designations associated in Russian literary studies with the problem of analysing autobiographical texts. The problem of correlation between the concepts of "writer", "author", "narrator" and "hero" is actualized in the literature of the new time in connection with the changing idea of individual and general, authorial and collective. The use of descriptive, comparative and culturological methods in the approach to the analysis of sources allows to draw a holistic picture of the vision of this problem in modern domestic and foreign literary studies. The subject of consideration in this article are the concepts of "autobiographical contract", "autobiographical space" (F. Lejeune), the idea of the text creator / autobiographical hero as a Friend (M.M. Bakhtin, P. Ricoeur).

Keywords: author, autobiographical hero, autobiographical text, A.M. Remizov.

Введение

Философская мысль XX века породила разные подходы к пониманию человеческой личности как в историческом процессе, так и в искусстве. В литературе, особенно автобиографической, проблема индивидуализма и отношение к нему проявлялись по-разному, но неизменно находились в круге интересов писателей разных направлений. Необходимость анализа художественного произведения предполагает прояснение центральных теорий, связанных с пониманием роли автора, героя и рассказчика в автобиографической прозе.

Настоящая статья имеет теоретической целью систематизацию терминов и понятий, связанных с проблемой организации художественного пространства автобиографического текста, вопросами реализации функций «автора» – «героя» – «рассказчика». Практическая цель данной статьи заключается в необходимости применения рассматриваемого понятийно-терминологического аппарата в практике анализа автобиографических текстов А.М. Ремизова.

Основная часть

С середины XX века проблема функционирования фигуры автора в произведении и отношения его с читателем активно разрабатывалась западноевропейской наукой.

В это время французский лингвист Ф. Лёжен ввел в употребление два значимых для нас термина: «автобиографический договор» (*le pacte autobiographique*), или – «автобиографический пакт», «автобиографическое соглашение»; и «автобиографическое пространство» (*l'espace autobiographique*) [10, С. 13, 46]. Понятие «автобиографический договор» соотносится Ф. Лёженом с вопросом об истинности слова автора, с представлением о степени доверия создателя текста к реципиенту. В ситуации творения текста, несомненно, автор более свободен, чем читатель в ситуации восприятия написанного; автор выдвигает условия договора в виде созданного им текста и снимает с себя ответственность за истинность / ложность сообщения. Читатель, в свою очередь, получает возможность самостоятельно устанавливать границы между сообщением, принимаемым как истинное, и элементами художественного вымысла.

Дефиниция «автобиографическое пространство», в нашем понимании, является частным случаем определения пространства художественного, которое привязывает художественный образ к некоей «пространственно-временной картине мира (передаваемой косвенными средствами рассказывания)» [8, С. 487]. Автобиографическое пространство более ориентировано на реалии, предметы вещного мира, локусы, значимые именно в автобиографическом контексте.

Таким образом, для Ф. Лёжена главными параметрами автобиографизма в художественном тексте являются его формальная закреплённость за автором, регламентированная договором, и создание художественного пространства, в творении которого автор абсолютно свободен. В отношении прозы Ремизова понятие «автобиографическое пространство» было использовано итальянской исследовательницей А. д'Амелией во вступительной статье к парижскому изданию «Учителя музыки» (оконч. в 1949 г., опублик. в 1983 г.) и с того времени прочно вошло в литературоведческие работы о творчестве писателя (данная статья также помещена в предисловии к девятому тому собрания сочинений А.М. Ремизова) [1, С. 449].

Теоретические вопросы, связанные с пониманием творческого метода А.М. Ремизова и отражающие процесс формирования его писательской позиции, выраженной в тексте через позицию автобиографического героя, тесно связаны с концепцией восприятия себя самого как Другого. Здесь мы используем терминологическое обозначение «*soi-même comme un autre*» (я сам как Другой), введённое в научный оборот французским философом П. Рикёром [11, С. 11]. П. Рикёр применяет данное обозначение для обоснования модели понимания человеком самого себя для себя, то есть для познания собственного внутреннего мира. Взаимодействие же с другими субъектами реальности проясняет определённые личностные черты, которые могут проявиться только в коммуникации (вербальной или невербальной).

Эта концепция понимания самоидентификации человека в мире созвучна пониманию отношений между автором-творцом текста и реципиентом в работах М.М. Бахтина, который вводит два обозначения для представления о поведении автора в текстовом и внетекстовом пространстве: «Я-сам-для-Других» и «Я-сам-для-Себя» [2]. Создатель текста, как и всякий человек, по мысли М.М. Бахтина, не может быть окончательно правдив даже с самим собой. В заметке «Человек у зеркала» ученый пишет, что при откровенной попытке заглянуть в собственную душу видны «фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою» [3, С. 240]. Создавая художественный мир, его творец не может позволить себе быть откровенным с потенциальным читателем / зрителем. Многократное перевоплощение из себя-человека в себя-автора может исказить причинно-следственные связи, размывать границу между реальностью и вымыслом, в результате чего факты и реалии миров явного и художественного могут смешиваться в сознании автора.

Однако не всегда подобные смешения следует воспринимать как деформации: в отношении к художественному тексту применима концепция смены точек зрения на изображаемый предмет. Автор настоящей статьи придерживается понимания этой концепции в трактовке Б.А. Успенского. Так, читатель может наблюдать смену точек зрения в диахронии (разный взгляд на событие глазами одного и того же героя, но из разного времени) или же в настоящий момент (взгляд на одно и то же событие глазами разных героев). Несомненно, важна при этом «композиционная заданность точки зрения» [10, С. 175], то, с какой позиции создатель текста позволяет взглянуть читателю на происходящее в тексте. В связи с этой мыслью необходимо вспомнить о фокализации как художественном приеме, описанном В.И. Тюпой [9]. Разные фокусы видения событий, поступков героев в художественном пространстве создают многомерность повествования, эффект, ранее названный М.М. Бахтиным полифонизмом.

В рамках исследования автобиографической прозы постулат о возможности смены точек зрения особенно важен: оценка одних и тех же событий часто дается в разные моменты – сразу по происшествии или спустя какое-то время. Так, в текстах Ремизова часто меняются оттенки отношения к событиям, сопутствовавшим его вступлению в литературу, отношение к событиям революционного времени, личные оценки ближайшего окружения.

Скрупулезное живяние автора в образы своих героев, многократные попытки понять мотивы их поступков приводят к размыванию границ конкретной личности. Творец текста в процессе его создания «не там», потому что в тексте ему находиться нельзя, и уже не «здесь», так как принадлежит он в это время не только миру реальному, но и миру собственных идей [2]. Эта ситуация также порождает проблему понимания Другого в самом себе.

Творец произведения, по природе своей, должен быть свободен в замысле и его воплощении, в связи с этим положением М.М. Бахтин поднимает проблему самодостаточности автора. По этому поводу П.С. Гуревич замечает, что «бывают случаи, когда «Я» пытается спрятаться в «Другого» [5, С. 89] и старается существовать только в рамках бытия чужого сознания: «Я-для-Другого, но не Я-для-Себя» [5, С. 89]. Таким образом, перед субъектом, воспринимающим текст, возникает череда масок, которые скрывают истинное лицо автора.

Говоря «Другой» о воспринимающем субъекте, к которому обращен текст, подразумевают «значимое отличие» [4, С. 72] от себя и предполагают получение ответа на вопросы, поставленные в тексте. Таким образом, взаимодействие с чужим-Другим представляется более простым, чем общение с чужим-в-себе (то есть непознанной частью собственного сознания), потому что у Другого – того субъекта, который желает понять текст – нет объективных причин быть неискренним с автором. В то время как автор, по выражению М.М. Бахтина, смотрит на себя «глазами мира, чужими глазами» [3, С. 240] и поэтому не всегда в состоянии отделить свое в себе от чужой оценки, привнесенной извне.

В философии М.М. Бахтина, пишет А.К. Васильев, наличие «Другого» понимается как условие существования «Я», и даже шире – «образ «другого» является условием возможности сознания» [4, С. 73] (разрядка автора), потому что в одиночестве человек сходит с ума. П.С. Гуревич замечает по этому поводу, что в философии экзистенциализма Ж.-П. Сартр утверждал диаметрально противоположную мысль о том, что «ущербность человека заключается именно в существовании другого» [5, С. 90], который наталкивает на мысль о сравнении с собой, подвергая сомнению уверенность человека в самом себе. В контексте творчества А.М. Ремизова важно понимать, что в эмигрантский период жизни писатель активно воспринимал западноевропейские эстетические концепции, и взгляды французских

экзистенциалистов не являются исключением. Поэтому при дальнейшем анализе образа автобиографического героя необходимо учитывать экзистенциалистское понимание другости, отличное от классического.

По словам П. де Мана, на понятии «другость» базируется понимание «внеаходимости» [6, С. 196] автора и читателя. Оба они находятся на границе между текстовой и внетекстовой реальностью. В свою очередь, В.Л. Махлин отмечает, что стремление различить «Я» и «Другого» зачастую приводит к проблеме двойничества, именно поэтому сознание неискушенного читателя отождествляет автора и его героя (Грибоедова и Чацкого, Л. Толстого и Левина, Гаршина и его персонажей). Сам же «Я» может существовать в одном пространстве с «Двойником», остро осознавая границы, так как понимание себя как себя происходит именно на границах с Другим [7, С. 85, 87] (автора с читателем, автора с героем, читателя с героем).

По словам М.М. Бахтина, автор в реальности лишается того же, чего нет у его героя в произведении: «точки зрения на себя извне» [3, С. 240]. Таким образом, при контакте с «Другим-в-себе» автор отчасти теряет преимущества демиурга, потому что ставится в зависимость от своего собственного несовершенного сознания. Проблема непознаваемости себя выражена словами М.М. Бахтина: «Из моих глаз глядят чужие глаза» [3, С. 240]. Неспособность сопротивляться чужому сознанию, воспринимающему тебя согласно законам собственного мышления, тоже понимается как своего рода диалог, результатом которого становится выявления диссонанса во внутренней структуре личности.

Автор, готовый к диалогу, расширяет представление о художественном тексте в целом, он раздвигает горизонты понимания произведения, стимулирует порождение смыслов. С другой стороны, всепроникающий диалогизм порождает проблему двойничества, существования в себе «Я» и чужого «Другого». Так, в поздних автобиографических текстах А. Ремизова «Я» автобиографического героя может быть представлено как в рамках одного субъекта, так и расщеплено между разными персонажами, представляющими отдельные лики автобиографического героя. Это явление еще раз подтверждает правомерность применения к автобиографической прозе Ремизова концепции отношений «Себя» и «Другого».

Заключение

Проблемы методологического и историко-литературного характера, с которыми сталкивается исследователь при изучении автобиографической прозы, связаны со сложностью взаимодействия субъектов художественного видения в тексте и пограничным положением автора, писателя и автобиографического героя. Это диктует необходимость систематизации и пояснения терминов и понятий, необходимых для проведения литературоведческого анализа. Анализ теоретических работ о соотношении ролей и проявлений в тексте личности субъекта-создателя и его героя позволяет более точно проследить механизмы формирования образа последнего. В рамках исследования текстов автобиографического характера это представляется наиболее сложным, так как грань между биографическим автором и автобиографическим героем очень тонка. Тем не менее четкое разграничение положений теории автора и героя дают возможность определить мотивные и тематические компоненты повествования, которые создают многогранность целостного образа субъекта-создателя текста посредством соединения в нем разных ипостасей Другого.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Д'Амелия А. Автобиографическое пространство Алексея Ремизова / А. д'Амелия // Ремизов А.М. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9. Учитель музыки. Каторжная идиллия. — М.: Русская книга, 2002. — С. 449-464.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин. — URL: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/2_1.html (дата обращения: 30.04.23)
3. Бахтин М.М. Человек у зеркала / М.М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 240.
4. Васильев А.К. Образ «другого» как проблема антропологии М.М. Бахтина / А.К. Васильев // Философия М.М. Бахтина и этика современного мира. — Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1992. — С. 71-75.
5. Гуревич П.С. Проблема Другого в философской антропологии М.М. Бахтина / П.С. Гуревич // М.М. Бахтин как философ / Под ред. С.С. Аверинцева, Ю.Н. Давыдова, В.Н. Турбина. — М.: Наука, 1992. — С. 83-96.
6. Ман П. Диалог и Диалогизм / П. де Ман // Михаил Михайлович Бахтин / Под. ред. В.Л. Махлина. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 191-203.
7. Махлин В.Л. К проблеме Двойника / В.Л. Махлин // Философия М.М. Бахтина и этика современного мира. — Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1992. — С. 84-94.
8. Роднянская И.Б. Художественное время и художественное пространство / И.Б. Роднянская // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 487-489.
9. Тюпа В.И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ) / В.И. Тюпа. — М.: Лабиринт, РГГУ. — 2001. — 192 с.

10. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. — СПб.: Азбука, 2000. — 352 с.
11. Lejeune Ph. Le pacte autobiographique / Ph. Lejeune. — Paris: Seuil, 1975. — 234 p.
12. Ricoeur P. Soi-même comme un autre / P. Ricoeur. — Paris: Seuil, 1990. — 448 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. D'Amelia A. Avtobiograficheskoe prostranstvo Alekseya Remizova [Autobiographical Space of Alexei Remizov] / A. d 'Amelia // Remizov A.M. Sobranie sochinenij. V 10 t. T. 9. Uchitel' muzyki. Katorzhnaja idillija [Remizov A.M. Collected works. In 10 vols. Vol. 9. Music teacher. Hard labor idyll]. — M.: Russian book, 2002. — P. 449-464. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoj deyatelnosti [Author and Hero in Aesthetic Activity] / M.M. Bakhtin. — URL: http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/2_1.html (accessed: 30.04.23). [in Russian]
3. Bakhtin M.M. Chelovek u zerkala [Man at the Mirror] / M.M. Bakhtin // Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [Author and Hero: Toward the Philosophical Foundations of the Humanities]. — SPb.: Azbuka [ABCs], 2000. — P. 240. [in Russian]
4. Vasil'ev A.K. Obraz «drugogo» kak problema antropologii M.M. Bakhtina [The Image of the "Other" as a Problem of M.M. Bakhtin's Anthropology] / A.K. Vasil'ev // Filosofiya M.M. Bakhtina i etika sovremennogo mira [Philosophy of M.M. Bakhtin and the Ethics of the Modern World]. — Saransk: Publishing House of the Mordovian University, 1992. — P. 71-75. [in Russian]
5. Gurevich P.S. Problema Drugogo v filosofskoj antropologii M.M. Bakhtina [The Problem of the Other in M.M. Bakhtin's Philosophical Anthropology] / P.S. Gurevich // M.M. Bakhtin kak filosof [M.M. Bakhtin as a Philosopher] / Ed. by S.S. Averincev, Yu.N. Davydov, V.N. Turbin. — M.: Nauka [Science], 1992. — P. 83-96. [in Russian]
6. Man P. Dialog i Dialogizm [Dialogue and Dialogism] / P. de Man // Mikhail Mikhailovich Bakhtin / Ed. by V.L. Makhlin. — M.: ROSSPEN, 2010. — P. 191-203. [in Russian]
7. Makhlin V.L. K probleme Dvojnika [On the Problem of the Twin] / V.L. Makhlin // Filosofiya M.M. Bakhtina i etika sovremennogo mira [Bakhtin's Philosophy and the Ethics of the Modern World]. — Saransk: Publishing House of the Mordovian University, 1992. — P. 84-94. [in Russian]
8. Rodnyanskaya I.B. Hudozhestvennoe vremya i hudozhestvennoe prostranstvo [Artistic Time and Artistic Space] / I.B. Rodnyanskaya // Literaturnyj enciklopedicheskij slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary] / Ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. — M.: Soviet Encyclopaedia, 1987. — P. 487-489. [in Russian]
9. Tyupa V.I. Analitika hudozhestvennogo (Vvedenie v literaturovedcheskij analiz) [Art Analytics (Introduction to Literary Analysis)] / V.I. Tyupa. — M.: Labirint, RSHU. — 2001. — 192 p. [in Russian]
10. Uspenskij B.A. Poetika kompozicii [Poetics of Composition] / B.A. Uspenskij. — SPb.: Azbuka [ABCs], 2000. — 352 p. [in Russian]
11. Lejeune Ph. Le pacte autobiographique [The Autobiographical Pact] / Ph. Lejeune. — Paris: Seuil, 1975. — 234 p. [in French]
12. Ricoeur P. Soi-même comme un autre [I Am Like Another] / P. Ricoeur. — Paris: Seuil, 1990. — 448 p. [in French]